

Политическая лингвистика. 2025. № 1 (109).
Political Linguistics. 2025. No 1 (109).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'373.611
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-20

ГРНТИ 16.21.27, 16.21.45

Код ВАК 5.9.5

Надежда Ильинична Коновалова^{1✉}, Ольга Алексеевна Михайлова^{2✉}, Юлия Николаевна Михайлова^{3✉}

¹ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, sakralist@mail.ru[✉], SPIN-код: 5984-0528, <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

^{1,2,3} Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

² oamih@yandex.ru[✉], SPIN-код: 9868-0927, <https://orcid.org/0000-0002-2386-7411>

³ jmkailova@yandex.ru[✉], SPIN-код: 8697-4990, <https://orcid.org/0000-0002-5361-567X>

Словообразовательный потенциал политического дискурса

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется современный российский политический дискурс, который обуславливает проявление словообразовательных механизмов и дает исследователю возможность наблюдать, как используются «привычные», традиционные модели и способы словообразования, актуализируются мало- и непродуктивные модели, а также появляются новые. Авторами уточняется понятие *словообразовательный механизм* с позиций теории речевой деятельности, при этом учитывается, что он не только функционирует, но и развивается под влиянием экстралингвистических причин (социального заказа, общественной значимости явления) и собственно лингвистических факторов (системных возможностей языка, семантических аналогий, парадигматических и синтагматических закономерностей, наличия / отсутствия оценочных и стилистических коннотаций). Доказано, что словообразовательный потенциал политического дискурса реализуется не только через отдельные дериваты, но и через словообразовательные цепочки, словообразовательные парадигмы и даже новые словообразовательные форманты, к которым в широком смысле относятся любые формально выраженные различия между производящим и производным. В результате деривационной активности дискурса становится наблюдаемым процесс создания словообразовательного гнезда, моделирующего текст, теряющий свою целостность и связность вне дискурса. В качестве материала для исследования современных деривационных процессов используются производные от антропонима *Трамп*, насчитывающие в настоящее время почти 1500 единиц, как созданных по узульным моделям русского словообразования, так и окказионализмов, в том числе графодериватов. Посредством мотивационного и контекстуального анализа производных слов, а также с учетом ситуативных пресуппозиций авторами верифицируется идея относительно того, что именно дискурс является ключом к декодированию смоделированного «деривационного текста», важным условием его функционирования в сознании социума.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, словообразование, словообразовательные механизмы, антропонимы, производное слово, словообразовательное гнездо, русский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, офис 281; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; email: sakralist@mail.ru.

Михайлова Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, офис 312; email: oamih@yandex.ru.

Михайлова Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. Чапаева, 16, офис 309; email: jmkailova@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Коновалова, Н. И. Словообразовательный потенциал политического дискурса / Н. И. Коновалова, О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 1 (109). — С. 75-83.

Nadezhda I. Konovalova^{1✉}, Ol'ga A. Mikhaylova^{2✉}, Yuliya N. Mikhaylova^{3✉}

¹ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, sakralist@mail.ru[✉], SPIN-код: 5984-0528, <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

^{1,2,3} Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

² oamih@yandex.ru[✉], SPIN code: 9868-0927, <https://orcid.org/0000-0002-2386-7411>

³ jmkailova@yandex.ru[✉], SPIN code: 8697-4990, <https://orcid.org/0000-0002-5361-567X>

The Word-Forming Potential of Political Discourse

ABSTRACT. The article analyzes the modern Russian political discourse, which brings about the emergence of word-formation mechanisms and gives the researcher an opportunity to observe how "familiar", traditional models and methods of word formation are used, low- and unproductive models are updated, and new ones appear. The authors specify the concept of "word-formation mechanism" from the standpoint of the theory of speaking activity, while taking into account that it not only functions, but also develops under the influence of extralinguistic factors (social order, social significance of the phe-

© Коновалова Н. И., Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н., 2025

nomenon) and linguistic factors proper (systemic language potential, semantic analogies, paradigmatic and syntagmatic patterns, the presence/absence of evaluative and stylistic connotations). The study argues that the word-formation potential of political discourse is realized not only through individual derivatives, but also through word-forming chains, word-forming paradigms, and even new word-building formants, which in a broad sense include any formally expressed differences between the original word and the derivative. As a result of the derivational activity of discourse, it becomes possible to observe the process of creating a word-formation nest, modeling a text that loses its integrity and coherence outside discourse. The practical material selected to study the modern derivation processes encompasses derivatives of the anthroponym "Trump", which currently number almost 1,500 units, both created according to the usual models of Russian word formation and occasional ones, including graph derivatives. The authors verify the idea that it is discourse that is the key to decoding the modeled "derivational text" and an important condition for its functioning in the consciousness of society. To this end, they employ motivational and contextual analysis of derived words and take into account situational presuppositions.

KEYWORDS: political discourse, word formation, word-formation mechanisms, anthroponyms, derivative, word-formation nest, Russian language.

AUTHOR'S INFORMATION: Konovalova Nadezhda Ilyinichna, Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of Department of Russian for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Mikhaylova Ol'ga Alekseevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Mikhaylova Yuliya Nikolaevna, Candidate of Philology, Head of Department of Russian Language for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Konovalova N. I., Mikhaylova O. A., Mikhaylova Yu. N. (2025). The Word-Forming Potential of Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 1 (109), pp. 75-83. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Политический дискурс в самом общем виде рассматривается как вербализованная форма функционирования социально-политических процессов, что выводит на передний план условия, в которых функционирует текст [Шейгал 2004; Будаев 2011; Чудинов 2020; Кушнерук 2023; Коновалова, Тиллоева 2023 и др.]. Такой ракурс исследования в полной мере соотносится с определением родового понятия дискурса, который выступает как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов 1989: 8]. Описываемый лингвокультурный феномен обладает такими свойствами, как динамичность, повышенная экспрессивность, демонстративность, интерактивность, национальная и социальная детерминированность. При этом необходимо акцентировать тот факт, что «политический дискурс — особая сфера речевой коммуникации, в которой наиболее ярко проявляют себя стратегии воздействия на адресата, моделирующие положительный образ „своего“ и отрицательный образ „чужого“ при ориентации на данную базовую антиномию как одну из ценностных доминант сознания социума» [Гридина, Коновалова, Красноперрова 2021: 13]. Верbalное оформление оппозиции «свой — чужой» в политдискурсе использует средства всех уровней языка, от фоносемантики до синтаксиса (см., напри-

мер: [Шмелева 2009; Михайлова 2012; Стексова 2012; Русский язык ... 2014; Вепрева 2018]).

Заметим, что чаще всего в фокусе анализа оказываются неологизмы как единицы лексико-фразеологических подсистем, в том числе в массиве заимствований. В этом случае закономерным является семантизация готового слова, «вписываемого» в уже существующие тематические (лексико-семантические) кластеры.

В других работах уделяется внимание отдельным словообразовательным (далее — СО) формантам, уже имеющимся в языке и актуализированным в новой коммуникативной ситуации, что отражает современные тенденции адаптации заимствований в русском языке [Попова 2013; Николина 2020; Михайлова 2022; Рацбурская 2024].

Оба отмеченных выше подхода вполне соотносятся со сложившимися в теории деривации двумя традиционными представлениями об объекте словообразования. Ср.: 1) «... вопрос о том, **как сделаны готовые слова** — дело словаря, в то время как одним из основных отделов грамматики являются ... правила словообразования, т. е. вопрос о том, **как можно делать новые слова**» [Щерба 1974: 51]; 2) «... **наблюдать, как образуются слова практически невозможно**, поэтому можно говорить лишь о том, как были образованы имеющиеся уже слова и как могут быть образованы новые слова. То и другое, как представляется, есть словообразование: **прошлое** (но еще живое!) и словообразование **будущее** (пока

еще не реализованное» [Моисеев 1987: 3]. При несовпадении, на первый взгляд, позиций в вопросе об объеме описываемого объекта отметим, что в обеих концепциях нет места словообразованию реальному в **настоящем, наблюдаемому** в коммуникации.

Принципиально иной подход представлен в концепции словообразования с позиций теории речевой деятельности [Сахарный 1985], что позволяет учитывать огромное разнообразие коммуникативных ситуаций и проявления в них закономерностей словообразования. Производное слово при этом рассматривается как единица, включеная в ситуацию и имеющая целый ряд характеристик, определяемых местом этого слова в контексте (здесь контекст понимается в широком смысле: как связь деривата с другими единицами текста и как условия его функционирования, определяемые дискурсом). В таком случае меняется функция производного слова: оно участвует в сложных процессах развертывания / свертывания мысли при построении текста [Гридина 2007; Коновалова 2018].

Предметом исследования в данной статье являются СО механизмы речевой деятельности, которые приводятся в действие в рамках современного политического дискурса, выступающего своего рода «триггером» актуализации имеющихся ресурсов деривационной системы и порождения новых. **Словообразовательный механизм** рассматривается нами как процесс моделирования производного слова, который включает процедуры парадигматического выбора СО модели между производными одного или разных типов для создания конвенциональной единицы. СО механизм не только функционирует, но и развивается под влиянием экстралингвистических причин: социального заказа, общественной значимости явления — и собственно лингвистических факторов: системных возможностей языка, семантических аналогий, синтагматических закономерностей, наличия / отсутствия оценочных и стилистических коннотаций.

Современный политический дискурс дает уникальную возможность наблюдать то, что считалось «ненаблюдаемым»: дискурс на наших глазах, в режиме «нон-стоп», рождает не только отдельные дериваты, но и СО цепочки, СО парадигмы и даже новые СО форманты. Заметим, что в данном исследовании принято широкое понимание СО форманта как любого знака, выражающего формальные различия между производящим и производным, образованным морфологическим способом. Ср., например, расширительное использование понятия «словооб-

разовательный формант» при описании так называемых графодериватов [Попова 2013]. Таким образом, кроме традиционных аффиксов, в качестве формантов могут выступать знаки разных семиотических систем, например, октоторп #, активно используемый в IT, в вики-разметке, для обозначения хештегов в социальных сетях и т. п.; амперсанд (от and per se and — «союз И как таковой») & — знак, используемый как аналог соединительного союза, особенно популярный в номинации брендов; знак at, или собака @, используемый в адресах электронной почты и др. (здесь мы отметили только те знаки, которые выступают в качестве СО формантов в нашей выборке).

В результате такой деривационной активности дискурса складывается СО гнездо, моделирующее текст, теряющий свою целостность и связность вне дискурса; именно дискурс является ключом к декодированию «деривационного текста», важным условием его функционирования в сознании социума.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для формирования корпуса производных использован **метод фокус-выборки** по ключевым словам — производным от антропонима *Трамп* — из поисково-аналитической системы «Интегрум-профи» (ежедневно обновляющийся электронный ресурс, на котором размещены архивы периодических изданий РФ и стран СНГ — 3547 источников). На первом этапе в качестве ключевого слова использовалось слово *Трамп*, далее **методом ступенчатой идентификации** отбирались слова, производные от исходного, форма и значение которых прямо объяснялись в контексте через производящее. Эти идентификаторы стали на следующем этапе ключевыми в интернет-серфинге отантропонимов. Таким образом было получено около 1200 единиц, что представлялось достаточным для предварительной **классификации**, выделения продуктивных стратегий деривации, **моделирования СО гнезда** с вершиной *Трамп*. Далее производился **анализ** непродуктивных СО моделей и с помощью **контекстуального анализа** обнаруженных окказиональных дериваторов выводились заключенные в них импликатуры. С учетом единичных употреблений производных лексем объем СО гнезда увеличился до 1479 единиц (и, как нам представляется, это незакрытая система, активно пополняющаяся новыми элементами, что «поддерживается» вступлением Дональда Трампа на должность президента на второй срок и активным обсуждением этого события в российском интернет-сегменте и СМИ).

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Одним из наиболее показательных примеров реализации СО потенциала политического дискурса является русское СО гнездо с вершиной *Трамп*, что объясняется факторами двух типов: 1) экстралингвистическими и 2) собственно языковыми.

К факторам **первой** группы (не вдаваясь детально в область политологии) в самом общем виде можно отнести следующие:

а) Дональд Трамп — одна из самых обсуждаемых фигур на политической сцене не только Америки, но и глобального «мирового сообщества»;

б) Трамп еще до своей первой президентской каденции с 2017 по 2021 г. имел репутацию самого скандального и непредсказуемого американского лидера, миллиардера-шоумена;

в) с избранием Трампа на должность Президента США, особенно во второй раз (на фоне Байдена), связаны надежды на изменения не только во внутренней, но и во внешней политике Америки.

И, хотя в значительно большей степени нас интересуют лингвистические аспекты интерпретации исследуемой темы, нельзя игнорировать отмеченные причины, поскольку они определяют векторы формирования и развития политического дискурса с участием в нем Трампа в качестве основного актора — действующего субъекта политики, в значительной мере способного влиять на происходящее в мире.

К факторам **второго** типа с учетом предлагаемого коммуникативно-дискурсивного ракурса исследования отнесем следующие:

а) СО адаптация иноязычного антропонима осуществляется средствами русской языковой системы в соответствии с интенциями пользователей этой системы, носителей русского языкового сознания, что соответствует одному из основных психолингвистических постулатов, согласно которому «грамматика, заключенная в ассоциативно-вербальной сети носителя языка, есть грамматика речевой деятельности, намерений и предпочтений говорящего» [Коновалова 2018: 63];

б) имя *Трамп* обладает сильной (более 3,1 по программе ВААЛ) фonoсемантической значимостью признаков «грубый», «мужественный», «активный», «горячий», «темный», «шероховатый», «тяжелый», «веселый», «страшный», «яркий», «угловатый», «громкий», «злой»;

в) структура антропонима *Трамп* весьма «удобна» для словоизводства: один слог, начинающийся смычно-взрывным зву-

ком [т], поддержаным вибратором [р], открытый «большим» [а] и заканчивающийся также смычно-взрывным [п] в комплексе с носовым [м] при отсутствии позиционных изменений;

г) участники речевой деятельности имеют в своем распоряжении очень пластичную СО систему, в которой одно и то же значение выражается множеством формантов и в то же время один формант можно «приспособить» для выражения самых разных значений, что обуславливает возможность использования процедур парадигматического выбора СО модели из ряда возможных ресурсов;

д) в языковом сознании говорящих закреплены семантические аналогии и набор синтагматических реализаций создаваемого (производного) слова, что обеспечивает действие механизма вероятностного прогнозирования как в процессах порождения, так и в процессах восприятия (декодирования) СО инноваций.

Продемонстрируем активизацию лингвистических техник в процессе образования отантропонимических производных и моделирования целого СО гнезда под влиянием экстралингвистических дискурсивных факторов. В этом ракурсе можно рассматривать СО гнездо как своеобразный деривационный текст, включающий все необходимые для его развертывания в дискурсе позиции:

1. **Субъект(-ы)** — сторонники и противники Трампа (*трампист*, *антитрампист*, *трампофил*, *трампоман*, *трампофоб*, *трампфаниат*, *трампоненавистник*, *трампоголик*, *мизотрамп*); лица, стремящиеся быть похожими на него, но ненастоящие (*трампонаид*, *псевдотрамп*, *квазитрамп*, *недотрамп*, *трамплята*). Слова-антонимы, называющие сторонников и противников Трампа, образованы чаще всего способом сложения антропословья *трамп* и экспрессемы, выражающей положительную или отрицательную оценку, например:

ТРАМПФАНАТЫ — «приверженцы, поклонники Трампа». Вторая основа сложения содержит сему интенсивности проявления чувства (фанат — «человек, испытывающий особо повышенное влечение к определённому объекту»).

ТРАМПОНЕНАВИСТНИК — «лицо, не принимающее Трампа и его политику». СО модель «сложение существительного собственного + существительного нарицательного + интерфикс О» = существительное со значением «лицо, характеризующееся действием, направленным на того, кто назван в первой основе сложения» (ср. *женоненавистник*): ...так видят и описывают

ситуацию в среде «*трампоненавистников*» (газета «Завтра». 21.03.2018).

Показательно, что СО антонимы в речевом употреблении регулярно сталкиваются в одном контексте. Ср.:

ТРАМПОФИЛ и ТРАМПОФОБ. Соответственно «лицо, поддерживающее Трампа, расположение к Трампу» и «лицо, которое предвзято, неприязненно относится к Трампу». СО модели аналогичны: «сложение первой основы + инфикс О + связанный опорный компонент -фил в названиях лиц, любящих что-н., расположенных к чему-н. или -фоб в названиях, антонимичных словам с компонентом фил-» [РГ-80, т. 1: 245].

Трампофобы обвиняют трампофилов в белом расизме, те возвращают им обвинения в агрессивном черном расизме (Российская газета. 15.09.2020).

Очевидно, поэтому в России тоже образовались *трампофилы* и *трампофобы*. Тем не менее победа Трампа стала сюрпризом и для тех, и для других (Деловой Петербург. 16.12.2019).

Другая пара антонимов: **ТРАМПОФОБ и ТРАМПОМАН** — где так же, как и -фил, используется «связанный опорный компонент -ман в названиях лиц, пристрастных к тому, что названо первой основой» [РГ-80, т. 1: 245].

Трамп и его враги-демократы «вместе делают общее дело» — дружно раскалывают Америку. На пару они устроили политическое землетрясение, и система трещин-капилляров разошлась по всей стране, по ее географической и социальной карте. «Трампофобы» — «трампоманы». Умеренно-скептической «здоровой середки» почти не осталось (Российская газета. 15.09.2020).

Эта же семантическая оппозиция представлена номинациями **ТРАМПИСТ** и **АНТИ-ТРАМПИСТ**, составляющими СО цепочку **ТРАМП → ТРАМПИСТ → АНТИТРАМПИСТ**. СО модели «существительное + -ист» = существительное со значением «лицо по принадлежности к общественно-политическому, идеологическому направлению»; «лицо по отношению к группировке лиц» [РГ-80, т. 1: 189]; «существительное + анти-» = существительное со значением «нечто противоположное или противодействующее тому, что названо мотивирующими существительным: антифашист, антидарвинист» [РГ-80, т. 1: 227]. Продуктивность данного СО типа отмечается именно в общественно-политической сфере. Представляется, что в данном случае можно говорить о расхождении формальной и семантической мотивации: *антитрампист* ближе по форме к *трампист*, хотя по семантике мотивируется

исходным словом цепочки *Трамп* «противник Трампа», поэтому можно рассматривать его как конфиксальное образование от *Трамп + анти-...-ист*. Ср. контексты, в которых регулярно актуализируются оба направления производности:

Поэтому внутри Соединённых Штатов и возник непрерывно нарастающий конфликт разных групп «элиты» за доступ ко всё более дефицитным ресурсам, который и проявился пока «холодной» гражданской войной между «трампистами» (их ещё называют «трамплиерами») и их оппонентами из Deep State (газета «Завтра». 06.11.2019).

Они голосовали не столько за Байдена, сколько **против Трампа**. Однако убедительной победы Байдена, пытавшегося сплотить вокруг себя всех **«антитрампистов»**, так и не получилось (Коммерсанть. 05.11.2020).

«Заговор против Америки», мгновенный бестселлер, он написан в 2004 году, сюжет разворачивается в начале 40-х прошлого века, а теперь стал снова актуальным, на злобу дня, и на него ссылаются *трамписты* и *антитрамписты*, обвиняя друг друга в тайном заговоре против Америки (МК. 15.10.2018).

2. Направления деятельности Трампа, идеологии и ее изучение (трампизм, трамповед, трамповедение, трампиниана, трампология, трампономика и др.).

ТРАМПИЗМ — «политика, разработанная кабинетом Трампа; направление деятельности Трампа; идеология, поддерживаемая сторонниками Трампа». СО модель «существительное + -изм» = существительное со значением «название идейных общественно-политических направлений, связанных с собственным именем» [РГ-80, т. 1: 193].

Он уже фактически демонтировал республиканский истеблишмент и сделал трампизм самодостаточной квазиидеологией. Если он сохранит власть, трампизм закрепится как фундамент новой Америки — внутри и вовне (деловой журнал «Профиль». 09.11.2020).

Трампизм — идеология правого популизма, и это уже нечто большее, чем идеи самого Трампа: своего создателя эта политическая платформа может легко пережить (Эксперт. 12.12.2022).

ТРАМПОВЕД — «лицо, изучающее деятельность Трампа, исследователь общественно и личной жизни Трампа». СО модель «сложение антропоосновы и опорного компонента глагольной основы -вед в названиях лица по профессиональному занятию, связанному с какой-либо отраслью знания» [РГ-80, т. 1: 251].

Точка зрения. Джермано Доттори, профессор политических наук римского университета LUISS, главный «*трамповед*» Италии (Российская газета. 24.01.2017).

Например, сейчас в продажу в магазинах Америки выходит книга Мэгги Хаберман — ведущего *трамповеда* The New York Times (Российская газета. 05.10.2022).

ТРАМПОЛОГИЯ — «наука о Трампе; изучение и описание деятельности Трампа». СО модель сложения «основа антропонима + интерфикс О + связанный опорный компонент + суффикс *иј*» = существительное со значением «название сферы занятий в соответствии со значением опорного компонента и первого уточняющего компонента» [РГ-80, т. 1: 250].

Трампология как лженакука (Независимая газета. 22.10.2019).

3. **Действия, производимые Трампом или кем-то по его распоряжению** (*трампить, оттрампить, трамповать, утрамповать, потрампить, трамплануть, трампировать, затрампить, перетрампить, недотрамповать*). Можно заметить, что основным для этой группы производных является префиксальный способ словообразования, например:

ОТТРАМПИТЬ ← *трампить* + *от-*. В данном случае СО значение производного лишь в самом общем, грамматико-словообразовательном плане (через частеречную принадлежность производного и производящего) можно соотнести с имеющимися в языке для данной модели значениями. Ср.: «...довести до нежелательного состояния (повреждения, утомления) в результате действия, названного мотивирующим словом; интенсивно, полностью, окончательно совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [РГ-80, т. 1: 364–365]. Однако эти определения в академической грамматике касаются непроизводных мотивирующих глаголов (*лежать — отлежать, сидеть — отсидеть, греметь — отгреметь* и др.). Между тем в данном случае лексико-словообразовательное значение глагола *оттрампить* опосредованно отсылает к мотиватору Трамп (производящему для глагола *трампить*). Заметим, что такая модель образования глаголов от антропонимов в русской грамматике не фиксируется, и только политический дискурс выборов в США, где предвыборная борьба имеет очень жесткий, агрессивный характер, позволяет определить СО значение глагола *оттрампить* через формально-семантические аналогии, как это делают авторы газетной заметки: «*отодрать, победить оппонента, например в споре*» (Московский комсомолец. 13.10.2016).

Еще заметнее роль дискурса в толковании производного **ПОТРАМПИТЬ**, образованного тем же способом, от того же производящего, с тем же наиболее общим СО значением «совершить, довести до результата действие, названное мотивирующим глаголом» [РГ-80, т. 1: 366]. Однако без учета дискурсивных факторов, в частности преуппозиций, включающих знание характера Трампа, обстоятельств его победы в выборах 2017 г., поражения в 2021 г. и победы в 2024 г., невозможно адекватно декодировать СО значение деривата. В данном случае продуктивным направлением семантизации деривата является ориентация на аналоги типа *посрамить, победить*, которые, правда, образованы не от антропонима.

4. **Атрибуты Трампа и характерных для его деятельности ситуаций** (*посттрамповский, трампообразный, трампистский; трампичмент, трампобеда, трампобед, трамперия, трамп-тауэр, трампокалипсис, тармпогурация, трампотрясение, Трамп-Плаза, Трамплэнд, Трамполинавин*). В этой группе дериватов востребованными оказываются разные виды способа сложения (контаминации), универбации как по узуальным моделям, так и окказиональные. Например:

ТРАМПОВЫЙ — функционирует как притяжательное и как относительное прилагательное. СО модель «существительное + -ов» = прилагательное со СО значением «принадлежащий тому, относящийся к тому, кто назван мотивирующим словом» [РГ-80, т. 1: 279].

А наши многие олигархи непонятно чем занимаются, но доходы их порой намного больше *трамповых*... (АиФ — Москва. 01.03.2017).

ТРАМПОВСКИЙ — «свойственный Трампу, принадлежащий Трампу». СО модель «существительное + -овск» = прилагательное со СО значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» [РГ-80, т. 1: 281]. Мотивировано существительным-антропонимом, но имплицитно содержит семы ‘политика’, ‘идеология’, ‘атрибуты’ Трампа.

И это явный признак неприкрытого *трамповского* гнева, который вряд ли может принести что-то хорошее (МК. 31.01.2024).

Для них пресловутое *трамповское* «косноязычие» вообще ничего не значит, оно их нисколько не отвергает, наоборот — человек говорит на понятном для них языке (МК. 31.01.2024).

Реакция на последние *трамповские* перетасовки и передвижения оказалась

двоякой (Военно-промышленный курьер. 03.04.2018).

Отметим, что большая часть производных этой группы создана с использованием техники языковой игры и демонстрирует максимальную связь с политическим дискурсом двух американских выборов Трампа. Именно к такого рода дериватам можно отнести характеристики окказиональных продуктов словотворчества, декодируемых только с учетом комплекса дискурсивных факторов. Ср.: «Стилистический регистр ... экспериментов со словом имеет эпатирующее экспрессивный характер ... Важно подчеркнуть неоднозначность ассоциативного контекста..., <который> допускает вариативные версии интерпретации окказионального слова при учете характера адресации, а также стратегий конструирования... За внешней прозрачностью использованного приема всегда лежит не только значение конкретного знака, но и гораздо более широкий культурный контекст, имплицитные смыслы» [Гридина 2020: 60].

Анализ отантропонимов с использованием приемов языковой игры составляет отдельный предмет исследования. В рамках данной статьи отметим лишь, что наиболее продуктивной для моделирования СО гнезда с вершиной *Трамп* является контаминация, например: «*трампардоны*» (ироническое, издевательское от *Трамп* и *пардон*) — извинения от Трампа, которых от него не дождешься; *трамперлы* (от *Трамп* и *перлы*) — гипотетические шутки и каламбуры на случай победы Трампа на президентских выборах; *трамплюха* (от *Трамп* и *оплеуха* или разг. *плоха*) — фигулярная, словесная, физическая оплеуха от Трампа; *трампобеда* (от *Трамп* и *победа*) — победа Трампа на выборах» (МК. 31.01.2024).

Отдельно отметим контаминацию знаков разных семиотических систем: *трамп@.ru* — шутл. графодериват, содержащий импликацию, отсылающую к ситуации обвинения Трампа в связях с Кремлем; #*трампнаш* — конверсив, лексикализация синтаксической единицы по типу хештега (отражает ситуацию до первого избрания Трампа, когда у многих россиян появилась надежда на улучшение отношений между США и Россией), ср. также: #*трампненаш* — дериват-реплика на предыдущий в связи с изменением политической ситуации (введение Трампом в период первого президентства санкций против России); *трамп&ким* — графодериват, появившийся после саммита в Сингапуре, где Дональд Трамп встретился с лидером КНДР Ким Чен Ыном.

Особым приемом воплощения в производном слове информации, содержащейся в

широком «внешнем» контексте, является введение нового корня в модельную сетку готового слова (см.: [Гридина 2020: 14–60]). См., например: *трампозантный*, *затрампезный*, *трамплиер*, *сотрампезник*, *трампнут*, *трампвай*, *трамплитуда*, *трамптуар*, *трамплуа* и т. п., где узуальный прототип легко считывается (*импозантный*, *затрапезный*, *тамплиер*, *сотрапезник*), при этом производное с новым корнем получает контекстуальную семантизацию: *трампозантный* — «импозантный, как Трамп»; *затрапезный* — «противоп. к трампозантный, не соответствующий внешнему виду Трампа, дресс-коду, принятому в его окружении»; *сотрапезник* — «гость Трампа, приглашенный к нему на обед = трапезу»; *трамплиер* — «убежденный сторонник Трампа, посвятивший себя служению его идеям» и т. п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политический дискурс является показателем живого процесса создания производных слов и объединения их в СО гнездо, представляющее собой своего рода деривационный текст, который развертывается на основе производящего и его связей со всеми единицами гнезда. Применительно к СО гнезду с вершиной-антропонимом это проявляется особенно заметно, так как даже на третьей-четвертой ступенях производности более сильной является семантическая связь с исходным словом, а не формальная близость единиц словообразовательной пары.

С одной стороны, для декодирования семантики отантропонимических дериватов значима актуализация пресуппозиций, в том числе обыгрываемых в многочисленных интернет-комментариях, постах и репостах. С другой стороны, устойчивость синтагматических «партнеров», их регулярная повторяемость в разных источниках, высокая частотность, прозрачность внутренней формы и структуры производных делают СО механизмы продуктивным инструментом воздействия дискурса на индивидуальное и коллективное сознание участников коммуникации.

Анализ словообразовательного гнезда от антропонима демонстрирует высокую экспрессивность и эмоциональность дериватов, большая часть которых образована по существующим в языке моделям. В то же время современный политический дискурс требует обновления некоторых участков СО системы, что проявляется, в частности, в расширении спектра СО формантов при создании графодериватов.

Реальная «жизнь» нового производного слова в дискурсе подтверждается активно-

стью его системных связей: развитием полисемии, синонимии, антонимии (ср.: *трампизм* — полисемант, изначально «идеология Трампа», развивает значение «ставшие известными высказывания Трампа, афоризмы»; *трампомечты* и *трампореальность* — антонимы; *трампоманы* и *трампофилы* — синонимы), и эти связи регулярно актуализируются в типовых коммуникативных ситуациях.

ИСТОЧНИКИ

1. Викисловарь. — URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 20.09.2024). — Текст : электронный.
2. Интегрум-Профи. — URL: <https://integrum.ru/> (дата обращения: 21.10.2024). — Текст : электронный.
3. РГ-80 — Русская грамматика. В 2-х т. Т. I. — Москва : Наука, 1980. — С. 783. — Текст : непосредственный.
- БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**
1. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : монография / Э. В. Будаев. — Нижний Тагил : Изд-во НТГСПА, 2011. — 330 с. — Текст : непосредственный.
2. Вепрева, И. Т. Новообразования в политической сфере как способ социальной оценки понятия / И. Т. Вепрева. — Текст : непосредственный // Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики : тез. докл. междунар. науч. конф. — Москва : [б. и.], 2018. — С. 16–19.
3. Гридина, Т. А. Глава 1. Идиостильевые ракурсы языковой игры: гротескный мир Вагрича Бахчаняна / Т. А. Гридина. — Текст : непосредственный // Лингвистика креатива — 5 / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2020. — С. 14–60.
4. Гридина, Т. А. Грамматика воздействия: коммуникативные стратегии моделирования образа «свой — чужой» в сфере предвыборного политического дискурса / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова, Е. С. Красноперова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2021. — № 6 (90). — С. 12–22. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_06_01.
5. Гридина, Т. А. Современный русский язык. Словообразование: теория, алгоритмы анализа, тренинг / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — Текст : непосредственный. — Москва : Флинта, 2007. — 160 с. — ISBN 978-5-89349-505-8.
6. Карапулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Карапулов, В. В. Петров. — Текст : непосредственный // Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 5–11.
7. Коновалова, Н. И. Информационное противостояние России и Запада в британских и американских СМИ / Н. И. Коновалова, С. М. Тиллоева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 4 (100). — С. 256–260.
8. Коновалова, Н. И. От формальной логики к «живой грамматике»: идеи Ф. И. Буслаева в современной теории и практике обучения русскому языку / Н. И. Коновалова. — Текст : непосредственный // Филологический класс. — 2018. — № 2 (52). — С. 59–63. — DOI 10.26710/fk18-02-10.
9. Кушнерук, С. Л. Идеологическое миромоделирование в контексте информационно-психологической войны / С. Л. Кушнерук. — Москва : Флинта, 2023. — 232 с. — Текст : непосредственный.
10. Михайлова, О. А. Семантические вариации актуальных слов: лексемы экстремизм и терроризм в современном русском языке / О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 1 (51). — С. 252–258.
11. Михайлова, Ю. Н. О чём говорят номинации-геймеронимы? / Ю. Н. Михайлова. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2022. — № 20. — С. 214–224.
12. Моисеев, А. И. Основные вопросы словаобразования в современном русском литературном языке / А. И. Моисеев. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1987. — 208 с. — Текст : непосредственный.
13. Николина, Н. А. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка / Н. А. Николина, Л. В. Рашибурская, В. Г. Фатхутдинова. — Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2020. — Т. 19, № 2. — С. 5–19. — DOI 10.15688/jvolsu2.2020.2.1.
14. Попова, Т. В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. / Т. В. Попова. — Текст : непосредственный // Лингвистика креатива / Урал. гос. пед ун-т. — 2-е изд. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 369 с. — С. 147–176.
15. Рашибурская, Л. В. Прецедентность заголовков «Российской газеты» как проявление языковой игры / Л. В. Рашибурская. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2024. — № 22. — С. 86–92.
16. Русский язык в многоречном социокультурном пространстве / Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина, И. Т. Вепрева [и др.]; Уральский федеральный университет; отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. — Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2014. — 324 с. — Текст : непосредственный. — ISBN 978-5-7996-1083-8. — Текст : непосредственный.
17. Сахарный, Л. В. Психолингвистические аспекты теории словаобразования / Л. В. Сахарный. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1985. — 97 с. — Текст : непосредственный.
18. Стексова, Т. И. Лингвокреативная деятельность в сфере политической коммуникации / Т. И. Стексова. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. — 2012. — № 2. — С. 113–120.
19. Чудинов, А. П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Соловова. — Москва : Флинта, 2020. — 236 с. — Текст : непосредственный.
20. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — Текст : непосредственный.
21. Шмелева, Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента / Т. В. Шмелева / Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — Вып. 2 (28). — С. 63–67.
22. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Ленинград : Наука, 1974. — 428 с. — Текст : непосредственный.

MATERIALS

1. Wikislovar' (n.d.). Retrieved Sept. 20, 2024, from [https://ru.wiktionary.org/wiki/\(In%20Russ.\)](https://ru.wiktionary.org/wiki/(In%20Russ.))
2. Integrum-Profi (n.d.). Retrieved Oct. 21, 2024, from [https://integrum.ru/\(In%20Russ.\)](https://integrum.ru/(In%20Russ.))
3. RG — Russkaya grammatika (1980). (Vol. 1). Moscow: Nauka, 783 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Budaev, E.V. (2011). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative political metaphorology]. N. Tagil: Izd-vo NTGSPA, 330 p. (In Russ.)
2. Vepreva, I.T. (2018). *Novoobrazovaniya v politicheskoy sfere kak sposob social'noj ocenki ponyatiya* [New formations in the political sphere as a way of social assessment of the concept]. In *Vtorye Grigorevskie chteniya. Nologiya kak problema lingvisticheskoy poetiki : tez. dokl. mezhdunar. nauch. konf* (pp. 16–19). Moscow. (In Russ.)
3. Gridina, T.A. (2020). Glava 1. Idiostilevye rakursy yazykovoy igry: grotesknyj mir Vagricha Bahchanyana [Idiostyle Perspectives of Language Play: The Grotesque World of Vagrich Bakhchanyan]. In *Lingvistika kreativa-5* (pp. 14–60). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. (In Russ.)
4. Gridina, T.A., Konovalova, N.I., & Krasnoperova, E.S. (2021). Grammatika vozdejstviya: kommunikativnye strategii modelirovaniya obraza «svoj — chuzhoj» v sfere predvybornogo politichesko-go diskursa [Grammar of influence: communicative strategies for modeling the image of “friend or foe” in the sphere of pre-election political discourse]. *Political Linguistics*, 6(90), 12–22. (In Russ.)
5. Gridina, T.A., & Konovalova, N.I. (2007). *Sovremennyj russkij yazyk. Slovoobrazovanie: teoriya, algoritmy analiza*,

- trening* [Modern Russian language. Word formation: theory, analysis algorithms, training]. Moscow: Flinta, 160 p. (In Russ.)
6. Karaulov, Yu.N., & Petrov, V.V. (1989). Ot grammatiki teksta k kognitivnoj teorii diskursa [From text grammar to cognitive discourse theory]. In *Dejk T. A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* (sb. rabot, per. s angl., pp. 5–11). Moscow: Progress. (In Russ.)
 7. Konovalova, N.I., & Tilloeva, S.M. (2023). Informacionnoe protivostoyanie Rossii i Zapada v britanskikh i amerikanskikh SMI [Information confrontation between Russia and the West in the British and American media]. *Political Linguistics*, 4(100), 256–260. (In Russ.)
 8. Konovalova, N.I. (2018). Ot formal'noj logiki k “zhivoj grammatike”: idei F. I. Buslaeva v sovremennoj teorii i praktike obucheniya russkomu yazyku [From formal logic to “living grammar”: ideas of F. I. Buslaev in modern theory and practice of teaching the Russian language]. *Filologicheskij klass*, 2(52), 59–63. (In Russ.)
 9. Kushneruk, S.L. (2023). *Ideologicheskoe miromodelirovaniye v kontekste informacionno-psihologicheskoy vojny* [Ideological world modeling in the context of information and psychological warfare]. Moscow: Flinta, 232 p. (In Russ.)
 10. Mihajlova, O.A., & Mihajlova, Yu.N. (2015). Semanticheskie variacii aktual'nyh slov: leksemы ekstremizm i terrorizm v sovremennom russkom yazyke [Semantic variations of actual words: lexemes extremism and terrorism in modern Russian]. *Political Linguistics*, 1(51), 252–258. (In Russ.)
 11. Mihajlova, Yu.N. (2022). O chem govoryat nominacii gejneronimy? [What do gendered nominations mean?] In *Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti* (Iss. 20, pp. 214–224). (In Russ.)
 12. Moiseev, A.I. (1987). *Osnovnye voprosy slovoobrazovaniya v sovremenном russkom literaturnom yazyke* [The main issues of word formation in the modern Russian literary language]. Leningrad: Izd-vo LGU, 208 p. (In Russ.)
 13. Nikolina, N.A., Raciburskaya, L.V., & Fathutdinova, V.G. (2020). Novye yavleniya v sfere derivacionnyh formantov kak otrazhenie dinamiki slovoobrazovatel'noj sistemy russkogo yazyka [New phenomena in the sphere of derivational formants as a reflection of the dynamics of the word-formation system of the Russian language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 19(2), 5–19. (In Russ.)
 14. Popova, T.V. (2013). Kreolizovannye derivaty kak element russkoj pis'mennoj kommunikacii rubezha XX—XXI vv. [Creolized derivatives as an element of Russian written communication at the turn of the 20th–21st centuries]. (2nd ed.). In *Lingvistika kreativa* (pp. 147–176). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. (In Russ.)
 15. Raciburskaya, L.V. (2024). Precedentnost' zagolovkov «Rossijskoj gazety» kak proyavlenie yazykovoj igry [The precedent of the «Rossiyskaya Gazeta» headlines as a manifestation of a language game]. *Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti*, 22, 86–92. (In Russ.)
 16. Gasparov, B.M., Kupina, N.A., Vepreva, I.T., et al. (2014). *Russkij yazyk v mnogorechnom sociokulturnom prostranstve* [Russian language in a multi-river socio-cultural space]. Ekaterinburg: Ural Fed. Univ. n.a. First President of Russia B.N. El'cin, 324 p. (In Russ.)
 17. Saharnyj, L.V. (1985). *Psiholingvisticheskie aspekty teorii slovoobrazovaniya* [Psycholinguistic aspects of the theory of word formation]. Leningrad: Izd-vo LGU, 97 p. (In Russ.)
 18. Steksova, T.I. (2012). Lingvokreativnaya deyatel'nost' v sfere politicheskoy kommunikacii [Linguo-creative activity in the field of political communication]. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa*, 2, 113–120. (In Russ.)
 19. Chudinov, A.P., Budaev, E.V., & Solopova, O.A. (2020). *Politicheskaya metaforologiya: diskursivnyj poverot* [Political metaphorology: the discursive turn]. Moscow: Flinta, 236 p. (In Russ.)
 20. Shejgal, E.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis, 324 p. (In Russ.)
 21. Shmeleva, T.V. (2009). Krizis kak klyuchevoe slovo tekushchego momenta [Crisis as the key word of the current moment]. *Political Linguistics*, 2(28), 63–67. (In Russ.)
 22. Shecherba, L.V. (1974). *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka, 428 p. (In Russ.)